

От создателя
Тани
Троттер

Омнтриу Емеу

Заступники
земли
Русской

Дмитрий Александрович Емец

Заступники земли русской

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145124

Дмитрий Емец. *Заступники земли русской*: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-07660-3

Аннотация

Во все времена Русская земля была щедра и богата: на ее необъятных просторах зрели тучные нивы, в лесах водилось зверье, не счесть было сокровищ в ее недрах. А уж о людях и говорить нечего – об искусных мастерах и мастерицах, о храбрых и сильных воинах. Потому-то многим и хотелось прийти на Русь, чтобы владеть всеми этими сокровищами. Множество захватчиков не давало покоя русским городам и весям: то хазары, то половцы, то немецкие рыцари, то татарские орды... Отбивались от них русичи, но приходилось и дань платить, и в чужеземной неволе томиться. И кто знает, удалось бы выдержать натиск всех тех, кто хотел покорить нашу Родину, если бы не князья, благородные заступники земли Русской. Под их знаменами поднимался народ за свою землю биться, не жалея сил, рубил супостатов. Много славных имен хранит история: Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской... О трудном их подвиге служения отчизне и пойдет речь в этой книге.

Содержание

КОЛЕНА ИАФЕТОВЫ	4
СКИФЫ	11
КИР И ТОМИРИС	16
СКИФЫ И ЦАРЬ ДАРИЙ	22
ДАНДАМИД И АМИЗОК	27
ДРЕВНЕЙШИЕ СКАЗАНИЯ О ЗЕМЛЕ РУССКОЙ	29
«ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...»	38
АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ	43
КНЯЗЬ ВЛАДИМИР	45
МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ	45
ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДЕРЕВЯННОГО ИСТУКАНА	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Емец

Заступники земли русской

КОЛЕНА ИАФЕТОВЫ

Священное Писание говорит, что после потопа трое сыновей Ноя разделили землю. Звали их Сим, Хам и Иафет.

Симу достался восток – Персия, Бактрия, Сирия, Мидия до реки Евфрат, Вавилон, Месопотамия, вся Финикия.

В жребий Хама выпал юг – Египет, Эфиопия, Фивы, Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, Крит, Кипр и земли по течению Нила.

Владения же Иафета составили северные страны и западные – Мидия, Албания, Армения, Каппадокия, Сарматия, Скифия, Фракия, Македония, Далматия. Ему же досталось все, что лежало от Понтийского моря на север: Дунай, Днепр, Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга.

«В Иафетовой же части сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку – до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу – до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шве-

ды, норманны, готы, русь, англý, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, – они при-
мыкают на западе к южным странам и соседят с племенем
Хамовым», – рассказывает древнейшая летопись русская –
«Повесть временных лет».

Случилось же это расселение так:

Одно из колен племени Иафетова поселилось в верховьях
рек Амударьи и Сырдарьи, которые берут начало в пределах
бывшей Российской империи – в Туркестанском крае. Пле-
мя носило название *арии*, что означало «почтенные, превос-
ходные».

Главным занятием ариев было скотоводство и хлебопаше-
ство. Землю они обрабатывали ралом, или сохой, сеяли яч-
мень, овес, полбу, не зная еще пшеницы и ржи.

Многие ремесла были известны им в совершенстве: тка-
чество, плетенье, шитье. Оружие и украшения были у них
из золота, меди и серебра. Иных металлов они еще не веда-
ли. Знали арии и кораблестроение, делая просторные ладьи
и плавая в них с помощью расширяющегося книзу весла.

Скученную жизнь арии не любили. Несколько родов, про-
исходящих от единого общего рода, селились отдельно, что-
бы иметь простор для хлебопашества и выпаса скота. Каж-
дый род выбирал своих князей и старейшин, которые тво-
рили суд в мирное время и предводительствовали в войнах.
Смелые и отважные, арии не боялись гибнуть в бою и де-
лали это с радостью, считая, что павшие в схватке храбрецы

будут щедро награждены в загробной жизни. Труссы, напротив, будут в верхнем мире их слугами и рабами. Придерживались арии и обычая кровной мести, сурово отплачивая не только обидчику, но и членам его рода.

Верили арии во всемогущего Бога, который назывался у них тем же словом – Бог, и, кроме него, поклонялись и его творениям: светлomu небу – диву, солнцу, земле, заре, ветру и огню.

* * *

Шли годы. На плодородных землях племя Иафетово множилось, и тесна ему стала та страна. Старейшины и князья говорили друг другу: «Расселимся по иным землям! Не прокормят нас всех эти степи».

Переселение ариев произошло не сразу – этот процесс занял долгие века. Выйдя в путь, они продвигались вперед очень медленно и основательно. Обнаружив подходящие плодородные земли, арии останавливались там для выпаса скота, засевали поля и собирали урожай. Если на пути им встречались чужие племена, арии воевали с ними, после же мирились и, заключая браки, постепенно образовывали единый народ.

Вначале арийские племена проложили себе пути к долинам Инда и иных орошающих Индию рек, заселили Персию, Армению, Мидию.

Другие арийские племена двинулись на запад. Они заселили щедрые земли Италии и Испании, понравившиеся ариям мягкостью приморского климата.

Прибывшие следом племена, найдя эти земли уже занятыми, осели в Греции, которая хотя и была гористой, отлично подходила для земледелия и скотоводства. Погрузившись на гребные свои ладьи, которые через несколько веков превратились в быстроходные корабли, племена арийские заселили множество островов Эгейского моря.

После греков и итальянцев – племен, обосновавшихся в Италии и Испании, – на новые земли двинулись предки теперешних французов, а за ними германские племена, из которых образовались впоследствии немцы, англичане, голландцы, датчане и шведы. За германскими племенами тронулась в путь и та часть арийцев, которая, перемешавшись с местным населением, положила начало народу литовцев.

С каждой следующей волной расселения ариев западная часть Европы с ее теплым континентальным климатом оказывалась все больше освоенной вышедшими ранее племенами. Поэтому когда в путь наконец двинулись многочисленные племена славян, они смогли заселить лишь восточную часть континента.

Однако славяне – медлительные, неторопливые, более иных племен арийских склонные к оседлой жизни и земледелию, не пожалели о том, что дольше других собирались в дальнюю дорогу. Доставшиеся им земли, хотя и менее пло-

дородные, чем на юге и юго-западе Европы, оказались самыми просторными и обширными. На них славяне могли не тесниться, сдавливаемые со всех концов другими народами, но привольно и широко расселиться по просторным лесистым равнинам. Леса эти были полны дичью, а многочисленные озера и реки со множеством притоков и затонов изобиловали рыбой настолько, что от тяжести ее рвались сети.

Воистину благословенны племена славянские!

Движение их с берегов Амударьи и Сырдарьи шло двумя главными путями. Первый путь пролегал по берегам Амударьи к южным берегам Каспийского моря, а оттуда по Малой Азии к Фракийскому Босфору – узкому проливу у Константинополя, который вел из Греческого моря в Черное. Перейдя же пролив, племена славянские широко разливались к северу и западу.

Другая часть племен, покидая прежнюю свою родину, двигалась вниз по течению Сырдарьи и, обогнув с севера Каспийское море, расселялась по южнорусским степям и по низовьям русских рек – Дона, Днепра, Буга и Днестра, вплоть до низовьев Дуная, где оседали уже те племена славянские, которые пришли сюда через Малую Азию.

Часть славян со Среднего Дуная, отделившись от племен, заселивших Болгарию, Сербию и Черногорию, отправилась к берегам Адриатики и положила здесь начало *венетам* – отважному народу мореходов, прославившему себя бесстрашными дальними плаваниями и богатейшей торговлей. Со

временем веныты создали редчайший город на воде – Венецию, прорезаемый сотнями каналов, служащих венецианцам улицами.

Другая часть славян, испытывающая тягу к дальним странствиям, поднялась по верхним притокам Дуная и, не обретя покоя и здесь, направилась дальше – по долинам рек, несущих свои воды на Север. Дойдя до Балтики, племена эти прочно осели на ее южном побережье от устья реки Лабы до устья реки Вислы.

Воинственные племена эти – славянские по крови – называли себя *варгами*, или *варягами*. От них и Балтийское море получило прозвание Варяжского. Рядом с беспокойными варягами, тотчас вступившими в кровопролитные бои с германцами, успевшими за минувшие столетия забыть об общем прародителе – Иафете, вскоре поселилось отважное и многочисленное племя *ругии*, или *руссии*. Позднее племя это слилось с иными славянскими племенами и подарило славное имя свое Руси.

* * *

Некоторые летописи повествуют, что имя «славяне» наши предки дали себе сами. Да и произошло это много веков спустя, в период осмысления себя единой общностью. Славянами, или *словыми*, называли наши пращуры тех, чей язык был им внятен и кого они могли понимать. Иные же племена

арийские, чей язык за долгие века отдельной жизни утратил сходство с их собственным, простодушные славяне, не слишком вдаваясь в детали, окрестили немцами, или *немцами*.

В основном это название закрепилось за германскими племенами, ближайшими соседями славянскими. «*Бедняги немцы, неведома им и речь людская, словенская*», – сочувственно говорили предки русичей.

Так колено Иафета – одного из трех сыновей Ноевых – дало начало многим племенам Малой Азии, Индии и Персии, а кроме них и многим народам Европы: грекам, римлянам, немцам, испанцам, англичанам, французам, шведам, литовцам. Явился Иафет родоначальником и племен славянских: русских, поляков, болгар, сербов и многих иных. До сих пор еще языки наши, столь различные на слух, обнаруживают в своих корнях и грамматическом строе общие корни и звенья, свидетельствующие об общем происхождении от сына Ноева.

СКИФЫ

У греков и персов прародители славян были известны под именем скифов. Одно звучание этого слова наводило ужас на народы Греции и Малой Азии. Бросая все имущество свое, спешили жители укрыться в труднодоступных местах, где не могла их настигнуть скифская стрела.

Древнейшие греческие мифы, относящиеся к дописьменным временам, сохранили предания о кентаврах – грозных витязях с конским крупом и человеческим торсом. Свирепые нравом, беспощадные и ловкие, кентавры превосходно стреляли из луков и метали копья. Внезапно нападая, они столь же внезапно уходили назад в степи с богатой добычей. Преследовать их было бесполезно – быстрые конские ноги легко уносили кентавров от погони. Иногда кентавры вступали с греками в союз и помогали им в войне с малоазиатскими племенами.

Легенда о кентаврах возникла у греков после многочисленных столкновений со скифами, искусными и бесстрашными наездниками, управлявшими конем так ловко, словно они составляют с ним единое целое. Сами же греки, жившие в гористой стране, были отличные мореходы, но плохие наездники. Во все битвы они вступали пешими, и потому бородатые скифы, внезапно появлявшиеся на своих быстрых конях и осыпавшие их дождем стрел, казались жителям

Эллады грозными чудовищами, сросшимися со своими лошадьми.

Одновременно с легендами о кентаврах греки рассказывали и о храбрых амазонках – воительницах, скачущих на конях и славившихся меткой стрельбой из лука и презрением к смерти.

Рассказы эти, казавшиеся грекам не вымыслом, но чистой правдой, находили тем больше подтверждений, что на поле брани греки нередко обнаруживали женские тела, одетые подобно скифам-мужчинам и имевшие с собой луки и стрелы. Эти женщины, нередко принимаемые греками за амазонок, были храбрыми супругами скифов, участвовавшими вместе со своими мужьями в дальних походах.

Другие удивительные сведения о предках наших скифах относятся ко времени осады греками малоазиатского города Трои, случившейся около 1260 года до Рождества Христова.

В числе многих дружин, осаждавших город, Гомер перечисляет и дружину *генетов* – народа славянского племени. По Гомерову же уверению, царь Ахиллес – отважнейший из героев греческих, пораженный стрелой в пяту, единственное уязвимое свое место, – был сыном царя Пелея и богини Фетиды. Однако такое происхождение от богини и мифического царя уже тогда не вызывало у греков доверия. Позднейший греческий историк Арриан, комментируя Гомера, ясно говорит, что Ахиллес был природным скифом, который родился на берегах нынешнего Азовского моря.

За необузданность нрава и гордость Ахиллес был изгнан своими сородичами скифами и нашел приют в Греции, где вскоре прославился, поразив греков яростью, с которой бросался в бой. Пишет Арриан, что верным признаком скифского происхождения Ахиллеса были его русые волосы, голубые глаза и необычайная отвага в бою. Кроме того, Ахиллес постоянно носил скифского покроя плащ с застежкой, чем намеренно раздражал многих греков, имевших причины недолго любить скифов.

Другое, уже письменное упоминание о скифах относится примерно к 800 году до Рождества Христова. Сказано в летописи, что воинственные скифы, появившиеся у устьев Днепра и на побережье Азовском, навели такой страх на живших здесь киммериян, что те не отважились на сопротивление и бежали через Кавказские горы в Малую Азию.

Скифы, не ведая страха, становились год от года все воинственнее.

Особенно прославились они своим военным походом от берегов Днепра и Дона через Кавказские горы, Армению и Персию до далекого Египта. Произошел этот поход около 630 года до Рождества Христова и длился 28 лет.

В движении своем скифы, гарцуя на легких конях, предавали все огню и мечу. Страх перед ними был столь велик, что целые неприятельские рати бежали, едва завидев небольшой конный отряд славян. Подчинив себе мидийского царя Киаксара, скифы заставили его платить себе дань. Завое-

вав Мидию, они победоносно прошли по землям Ассирии, а оттуда повернули к западу, к богатым городам финикийским. Проникнув по морскому берегу в область Филистимскую, скифы вторглись в Египет.

Фараон Египетский Псамметих, опасаясь неукротимой отваги скифской – ибо смерть в брани им была не только не страшна, но даже и желанна, – вышел к скифам с богатейшими дарами и упросил их вернуться назад. Повернув на север, скифы вторглись в Иудею и предали там свирепому разгулу. Весь народ иудейский заперся за стенами Иерусалима и, трепеща, ждал решения своей участи, оставив всю страну свою во власти скифов.

Пророк Иеремия, живший в то время в Иерусалиме, предсказывал скифское нашествие в таком своем пророчестве:

«Собирайтесь и пойдём в укрепленные города... бегите не останавливаясь, ибо я приведу от севера бедствие и великую гибель... Вот я наведу на вас, дом Израилев, народ издалека, говорит Господь, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его – как открытый гроб; все они – люди храбрые...»

Вот идет народ из страны северной, и народ великий поднимается от краев земли. Держат в руках стрелы и копье; они жестоки и немилосердны; голос их шумит, как море, и несутся на конях, выстроены как один человек, чтобы сразиться с тобой, дочь Сиона...»

Лишь с огромным трудом избежали тогда Иерусалим и весь народ иудейский гибели. Царь его Осия и царедворцы с лестью поспешили выйти навстречу скифам и принесли им богатые дары, убедив их пощадить великий город.

Взяв с Осии выкуп, скифские мужи в последний раз для устрашения объехали вокруг стен иерусалимских, с которых смотрели на них бледные защитники, не осмелившиеся бросить и камня. Затем скифы неторопливо повертели коней и в полном блеске славы вернулись в Донские и Днепровские степи.

КИР И ТОМИРИС

Соседи скифов – воинственные персы – многократно пытались покорить этот вольный народ, но всякий раз мужество скифов вставало непреодолимой преградой этому намерению.

Так случилось и в 530 году до Рождества Христова, когда персами правил завоеватель Кир – покоритель Мидии, Ассирии и всех племен малоазиатских. Умело осушив речное русло, Кир взял неприступный Вавилон, а после вознамерился захватить земли скифского племени массагетов, а самих массагетов обратить в своих рабов и данников.

В то время царицей массагетов была мудрая царица Томирис, супруга покойного царя скифов. Думая легко провести женщину, Кир прислал к ней послов под предлогом сватовства.

«Тяжко женщине одной править столь обширными землями. Здесь нужна твердая мужская рука. Я женюсь на тебе и сниму это бремя с плеч твоих», – велел он передать Томирис.

Однако Томирис, женщина уже немолодая и мать взрослых сыновей, лишь усмехнулась, разгадав намерение Кира.

«Передайте царю своему: пусть поищет себе жен в иных землях. Зарясь же на чужие царства, он легко может потерять свое собственное», – велела она послам.

Услышав такой ответ от скифской женщины, Кир пришел в ярость. Он собрал огромные рати и пошел на массагетов войной. Для того же, чтобы оказаться в скифских землях, персидскому царю нужно было перейти полноводную реку Аракс, такую широкую, что с одного ее берега не виден другой.

Согнав к месту переправы большое число кораблей, Кир велел наводить понтонные мосты.

Когда массагетам стало известно, что персы идут на них войной, они, не утраившись, собрались на берегу. Глашатай их на ладье подплыл к Киру и передал ему слова царицы Томирис:

«Царь мидян! Оставь свое намерение. Царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей. Но ты, конечно, все равно не слушаешь и выберешь войну. Знай же, что массагеты не станут скрываться и примут бой. Переходи спокойно в нашу страну, не тратя времени на построение мостов. Мы же отойдем на расстояние трехдневного пути, чтобы воины твои не боялись переправы. Если же хочешь, поступим иначе. Ты отойди от берега, мы же переправимся на твою землю».

Кир нахмурился, пораженный умом и благородством скифской царицы. Перестав наводить мосты, он велел персам переправляться. Томирис же, верная своему обещанию, отвела свои войска на три дневных перехода. Этим царица массагетов заранее отказывалась от преимущества, которое

имели бы скифы, если бы, стоя на берегу, осыпали растяннутую, медленно переправляющуюся рать персов стрелами, не давая ей даже построиться в боевой порядок.

Поняв, сколь велика организованность и решительность массагетов, Кир задумался.

«Вижу я, победа над народом этим будет стоить нам дороже, чем иные наши победы. Не знает ли кто из вас, как одолеть скифов хитростью, чтобы не нести большие потери?» – сказал он своим военачальникам.

Лидийский царь Крез, который после поражения своих армий стал слугой Кира, посоветовал ему:

«О великий! Скифы храбры в бою, но имеют слабость к вину. поступи же так. Отойди от Аракса на расстояние одного дневного перехода и разбей лагерь, как если бы там собиралось разместиться на ночлег все войско. Приготовь изысканные кушанья, которые незнакомы скифам, и много кувшинов и бурдюков с вином. Сам же незаметно, под покровом темноты, вновь отступи к Араксу, оставив в лагере только слабых своих воинов, которых ты не боишься потерять».

Поняв всю хитрость замысла Креза, Кир одобрительно кивнул ему:

«По коварству твоему вижу, что ты был прежде великим царем! Если твой замысел принесет нам удачу, я щедро награжу тебя!»

Разбив лагерь, Кир велел своим поварам наготовить много яств и оставить в повозках кувшины и бурдюки с крепчай-

шим вином. После этого он той же ночью незаметно отступил, оставив в лагере лишь несколько тысяч самых слабых своих воинов.

Вскоре перед персидским лагерем появились массагетские вожди, которыми предводительствовал сын царицы Томирис Спаргапис. Он был храбр и горяч, но не обладал ни умом, ни рассудительностью своей матери.

«Смотрите, как беспечно раскинулось персидское войско! Мидяне ведут себя на нашей земле, словно уже покорили ее!» – крикнул он и яростно обрушился на персидский лагерь.

Оставленные в нем воины храбро сопротивлялись, но были перебиты. После победы массагеты уселись пировать вместе с царевичем своим Спаргаписом. Думая, что одолели персидское войско, они были неумеренны и особенно налегали на вино, не ведая его крепости. Вскоре, напившись допьяна, все передовая часть войска массагетов уже спала, растянувшись на земле.

Персидские лазутчики известили об этом Кира.

«Вот теперь время!» – сказал Кир и со всем своим войском ударил на спящих массагетов. Большая часть скифов, не успев даже проснуться, была перерезана на месте, другая же – вместе с царевичем Спаргаписом – захвачена в плен.

Узнав об участи своего войска, царица Томирис отправила к Киру вестника, велев передать ему: «Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Не твои воины победили

нас, но виноградная лоза одолела их сном. Послушайся последнего моего совета. Отдай мне сына и всех пленников и уходи подобру-поздорову с нашей земли. Если же не уйдешь, то клянусь, что напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен».

Кир прогнал глашатая, даже не дослушав его. Когда же царевич Спаргапис, опьяненный вином, очнулся и понял, что он наделал, то попросил Кира снять с него оковы.

«Неужели ты думаешь убежать, скиф? Или, может, надеешься убить меня? Здесь вокруг тысяча моих телохранителей», – насмешливо сказал Кир, кивнув своим военачальникам, чтобы они сняли оковы.

Как только руки его стали свободны, Спаргапис набросился на одного из охранявших его персов, выхватил у него кинжал и закололся на глазах у Кира, твердо глядя ему в глаза. Потрясенный таким мужеством, царь мидийский торопливо вернулся в свой шатер.

На другой же день подошла царица Томирис с основным войском и, по утверждению Геродота, состоялась самая жестокая из битв, какая была когда-либо до сих пор.

Сначала противники, сблизившись, осыпали друг друга стрелами, пока колчаны не опустели. Затем персы и скифы бросились друг на друга с кинжалами и копьями. Ни одно войско не желало отступить. Задние ряды сминали передние. Упавшие и раненые задыхались под конскими копытами и ногами пеших воинов.

Наконец массагеты одолели. Все персидское войско пало на поле брани. Погиб в бою и сам Кир, царь мидийский, покоритель Ассирии, Вавилона и всех племен малоазиатских. Скифский орешек оказался ему не по зубам.

Царица же Томирис отрубила Киру голову и бросила ее в винный мех, наполненный до краев человеческой кровью. «Ты жаждал крови – напейся же ею теперь досыта!» – сказала она.

Так, не щадя ни своих жизней, ни врагов своих, отстаивали свою свободу скифы. Нравы их теперь могут показаться нам дикими, но были они не более жестокими и кровожадными, чем само время, когда ради спасения человеческого не пришел еще на землю Господь наш Иисус Христос.

СКИФЫ И ЦАРЬ ДАРИЙ

Два десятилетия спустя один из преемников Кира Дарий Первый вновь собрался войной на скифские земли.

«Будь рабом моим и данником, иначе ждет тебя смерть вместе со всем народом твоим!» – послал он сказать царю скифов Иданфирсу.

Собрав в Малой Азии несметные полчища, Дарий переправил их в Европу через Босфор и двинулся к Дунаю, через который навел постоянные мосты. Охрану этих мостов он поручил своим невольным союзникам грекам-ионийцам, опытным мореплавателям и строителям понтонов.

Узнав о вторжении в их пределы персидского войска, скифы объединились с родственными им племенами гелонов, будинов и савроматов. Но скифы не стали вступать с персами в битву, видя, что воинов у Дария во много раз больше, чем у них, а пехота его лучше обучена. Вместо этого они все время находились поблизости от неприятеля, держа его в ожидании сражения. Идя впереди Дария, скифы засыпали колодцы и выжигали траву на пастбищах, заставляя персов страдать от жажды, а коней их от бескормицы. Малые их отряды постоянно тревожили персов, захватывая обозы и убивая отставших.

Так проходили недели. Войско Дария преследовало скифов по их землям, но не находило ничего, кроме выжженной

травы и засыпанных колодцев.

Видя, что войско его ропщет, а решающей битвы все нет, Дарий послал к скифскому царю гонца.

«Царь Иданфирс! Зачем ты все время отступаешь? Если ты в силах сражаться со мной, тогда остановись и бейся! Если же не в силах, тогда остановись и, неся мне в дар землю и воду, вступи со мной в переговоры!»

Царь скифский Иданфирс отвечал ему:

«Дарий! Я никогда ни от кого не бежал, не бегу теперь и от тебя. А почему я не вступаю в сражение с тобой, ты то ведаешь сам. У нас нет ни городов, ни обработанной земли, разорения которых нам стоило бы бояться. Все, что у нас есть, – это отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить – и тогда увидите, будем мы за них сражаться или нет. За то же, что ты потребовал у меня землю и воду, я пришлю тебе другие дары, но будет это после».

Так скифы провели персов через все свои земли. Войско Дария было уже измотано, истощено, и боевой пыл его значительно ослаб. Видя это, скифы переменили тактику. Разбившись на отряды, они послали часть своего войска к мостам, которые охраняли ионяне, отрезав персам путь к отступлению.

Скифская конница стала выманивать персидскую конницу из укрепленных мест и разбивать ее отряд за отрядом. Вскоре персидские всадники, терпящие постоянные поражения, прониклись к скифам таким ужасом, что, едва завидев

даже небольшой отряд их, обращались в бегство, топча собственную пехоту.

А ночью измотанные дневными переходами персы не могли спать спокойно, страшась постоянных нападений скифов, которые, вырезая часовых, кошками пробирались в лагерь и захватывали пленников.

Так персы, сами того не заметив, утратили свое наступательное преимущество. Теперь огромное их войско с каждым днем уменьшалось, таяло и уже думало лишь о защите. Завидев далеко в степи клубы пыли, персы сбивались в кучи и ощетинивались оружием, ожидая нападения легкой скифской конницы. Скифы же подскакивали совсем близко, осыпали персов стрелами, выкрикивали насмешки персидским всадникам, прячущимся за рядами пехоты, и уносились назад.

Дарий, ранее не знавший поражений, мрачнел день ото дня. Как-то утром гонец от скифов привез ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Удивленный Дарий спросил посланца, что означают эти дары, однако посланец сказал, что ему приказано только вручить их и возвращаться.

«Царь мой Иданфирс сказал: персы сами поймут значение даров, если у них достанет мудрости», – крикнул гонец и, вскочив на коня, ускакал.

Дарий же собрал на совет всех мудрецов и спросил у них, что означают эти дары. Некоторые мудрецы, льстя ему, стали говорить, что царь скифов прислал их в знак покорности.

«Животные эти означают все скифские стихии – землю, воду и воздух. Мышь живет в земле и питается ее плодами. Птица летает в воздухе и похожа в быстроте своей на коня. Лягушка же обитает в воде и кормится дарами вод. Стрелы же царь Иданфирс прислал как знак того, что не будет больше сопротивляться и сложит оружие».

Другие же мудрецы персидские не соглашались с первыми и говорили:

«Не верь, царь, грубой лести. Скифы дарами своими хотели сказать тебе иное. Если ты, Дарий, как птица не улетишь в небо, или как лягушка не поскачешь в болото, или как мышь не забьешься в подземную нору – тогда примешь смерть от скифских стрел».

Вскоре после принесения царю Дарию упомянутых даров скифские конница и пехота выступили против персов. Персы же, собравшись, с ужасом ожидали битвы. Но, когда скифы уже стояли в боевом строю, между копытами их коней проскочил заяц. Скифы тотчас повернули лошадей и, забыв о персах, с гиканьем устремились в погоню за зайцем.

Никогда персы не получали более тяжкого оскорбления. Они наконец увидели, как сильно скифы презирают их, если предпочли сражению с ними охоту на зайца.

В ту же ночь Дарий решил спасти остаток своего некогда могучего войска. Для этого он приказал развести костры, разбить шатры и, как когда-то сделал это Кир, оставил в лагере самых слабых и истощенных воинов. Слабым воинам,

чтобы они не бежали за остальными, было сказано, будто персы хотят тайно напасть на скифов, их же оставляют охранять лагерь. Вместе с воинами у костров были и все выючные ослы, которые, оказавшись на привязи, подняли ужасный крик. Слыша этот крик, скифы думали, что персы по-прежнему в стане.

На следующий день оставленные в стане персы поняли, что их обманули, и, простирая руки к скифам, стали молить о пощаде. Только такой ценой, пожертвовав частью своего войска и потеряв другую часть в тяжком пути через выжженные степи, Дарий сумел выбраться живым из страны скифов.

Так закончился второй персидский поход на скифов. Причем многие скифы еще долго насмеялись над Дарием, говоря, что тот спрятался за спиной у осла.

ДАНДАМИД И АМИЗОК

У скифов было в обычае брататься между собой. Для этого братавшиеся делали на ладонях надрезы и смешивали свою кровь. Несколько капель крови они капали в кубок и, добавляя вина, пили.

Однажды, на четвертый день после того, как двое молодых скифов Дандаמיד и Амизок побратались, пришли в их землю савроматы – другое скифское племя. Воспользовавшись тем, что скифы не были готовы к битве, савроматы убили многих воинов, захватили большое количество пленных и, разорив жилища, пошли восвояси. Среди пленных был и Амизок. Когда его уводили в оковах, Амизок громко призывал своего побратима, напомнив ему о крови и кубке.

Услышав это, Дандаמיד выскочил из оврага, где укрывался, и поскакал на глазах у всего савроматского войска прямо к Амизоку. Савроматы хотели пронзить его копьями, но Дандаמיד крикнул: «зирин». Того, кто произносил это слово, нельзя было убивать. Это означало, что воин явился для выкупа пленных.

Когда Дандамида привели к вождю савроматов, скиф попросил отдать ему побратима.

«Что дашь ты за него?» – отвечал вождь савроматов.

«Все, что я имел, уже похищено вами. Теперь я не имею ничего. Если хочешь – возьми меня вместо него. Его же от-

пусти», – сказал Амизок.

Вождь савроматов покачал головой.

«Ты мне не нужен, да еще явившийся со словом «зирин». Но если хочешь, уводи побратима взамен одной из частей твоего тела».

«Что хочешь ты взять?» – спросил Дандаמיד.

«Отдай мне оба своих глаза!» – потребовал савромат, уверенный, что скиф не решится дать ему такого выкупа.

Но вождь ошибся. Дандаמיד достал кинжал и ослепил себя на глазах у изумленных таким мужеством савроматов.

«Теперь ты получил выкуп? Отдай же мне друга!»

«Забирай!» – хрипло отвечал савромат.

Савроматы были потрясены. «Не станем больше воевать с ними. Нельзя победить тех, кто ставит жизнь своих соплеменников выше собственной», – говорили их старейшины.

Дандаמיד нашарил руку Амизока и, оперевшись о плечо побратима, медленно побрел к своим. В ту же ночь Амизок, чтобы во всем быть равным побратиму, ослепил себя.

И долго еще оба слепца жили в почете среди скифов.

ДРЕВНЕЙШИЕ СКАЗАНИЯ О ЗЕМЛЕ РУССКОЙ

Шли годы. Они сливались в десятилетия, десятилетия в века... Земли славянские приумножались. Племена дробились, расселялись и образовывали все новые сообщества. Спустя столетие после того, как Геродот описал нравы скифов, Александр Македонский – величайший из завоевателей, покоривший Грецию, Малую Азию, весь Египет, Вавилон, Персию и часть Индии, – дважды ходил войной против скифов.

В первом походе, около 335 года до Рождества Христова, Александр выступил против племен славянских, живших к северу от Дуная, и сжег их главный город. Семью годами позже Александр пошел против скифов, живших к северу от Амударьи. Пораженный красотой скифской царевны Роксаны, завоеватель женился на ней, с отцом же ее вступил в военный союз.

После смерти Александра скифы не раз воевали с македонскими царями. Не прошло и нескольких десятилетий, как македонцы стали страшиться скифской отваги. В 293 году до Рождества Христова скифы захватили в днестровских степях царя македонского Лизимаха со всем его войском.

Проводя все время свое в войне, славянские дружины со-

вершенствовались в бранном искусстве и вскоре прослыли самыми могучими воинами в Восточной Европе и во всей Малой Азии.

Древний летописец рассказывал:

«Золото и серебро они столько же презирают, сколько прочие смертные желают его. Они превосходные воины, потому что военное дело становится у них суровой наукой во всех мелочах. Высшее счастье в их глазах – погибнуть в битве. Умереть от старости или от какого-нибудь случая – это позор, унижительнее которого ничего не может быть. Они вообще красивы и рослы; волосы их отливают в русый цвет. Взгляд у них скорее воинственный, чем свирепый».

Другая же летопись оставляет такое свидетельство о славянах:

«Часто делают набеги, нечаянные нападения и различные хитрости днем и ночью и, как можно сказать, играют войной. Величайшее их искусство состоит в том, что они умеют прятаться в реках под водой. Никто другой не может так долго оставаться в воде, как они. Часто, застигнутые неприятелем, они лежат очень долго на дне и дышат с помощью длинных тростниковых трубок, у которых одно отверстие берут в рот, а другое высовывают на поверхность воды и таким образом укрываются неприметно в глубине. Кто даже приметит эти трубки, тот, не зная такой хитрости, сочтет их самородными. Опытные узнают их по отрезку или по положению и тогда или придавливают их ко рту, или выдергивают и тем заставляют

хитреца всплыть наверх».

Нередко после удачных войн в руки славян попадало множество пленников, однако славяне были милостивы к ним и не обращали их в постоянное рабство:

«Пленники у славян не так, как у прочих народов, не всегда остаются в рабстве; они определяют им известное время, после которого, внеся выкуп, те вольны или возвратиться в отечество, или остаться у них друзьями и свободными».

Происходило же это оттого, что наши предки славяне умели ценить свою и чужую свободу, рабству же предпочитали смерть:

«Племена славян ведут образ жизни одинаковый, имеют одинаковые нравы, любят свободу и не выносят рабства. Они особенно храбры и мужественны в своей стране и способны ко всяким трудам и лишениям. Они легко переносят жар и холод, и наготу тела, и всевозможные неудобства и недостатки. Очень ласковы к чужестранцам, о безопасности которых заботятся больше всего: провожают их от места до места и поставляют себе священным законом, что сосед должен мстить соседу и идти на него войной, если тот, по своей беспечности, вместо охраны допустит какой-либо случай, где чужеземец потерпит несчастье».

* * *

Незадолго до Рождества Христова владычество над всем

древним миром перешло к римлянам. Среди наиболее могущественных врагов Римской империи был царь малоазийский Митридат Великий. Нанеся тяжелое поражение скифам, Митридат заключил с ними мир и союз. По этому миру войска скифские должны были ходить вместе с Митридатом на Рим, что они успешно и делали, наводя ужас на римских легионеров.

Победой над скифами Митридат гордился больше других своих побед:

«Из смертных я один покорил Скифию, ту Скифию, мимо которой прежде никто не мог ни безопасно пройти, ни приблизиться к ней. Два царя – Дарий Персидский и Филипп Македонский осмелились было не покорить, а только войти в Скифию и с позором бежали оттуда, откуда нам прислано теперь великое войско против римлян».

После поражения скифов слава непобедимых воинов перешла к единокровному им славянскому племени *сарматов*. Имя же «сарматы» сделалось столь известным, что многие века Русскую землю называли *Сарматией*.

Война с римлянами закончилась для Митридата Великого неудачно. Он был побежден и покончил с собой. Империя его распалась и была поглощена Римом. Славянские же племена, проведавшие благодаря Митридату о богатстве римских земель и узнавшие все подступы к ним, часто стали тревожить римские границы. В первом веке после Рождества Христова предки наши брали на щит уже и греческий город

Ольвию.

Римляне оказались в сложном положении. Укротить славян они не могли – те легко скрывались в лесах своих и степях. Государств и крупных городов у них не было, каждое племя действовало на свой страх и риск и часто, выгадав подходящий момент, нападало на римские земли, разоряя их.

При императоре Марке Аврелии случилось и грозное нашествие славянское на Римскую империю, продолжавшееся целых четырнадцать лет (166–180). Кроме соединенных славянских племен, с Римом воевали и германцы, и лишь с огромным трудом Марку Аврелию удалось одержать победу над германцами. Славянские же племена еще долго воевали с Римом. Особенно прославились своим мужеством племена *роксалан* и *языгов*. Война эта, названная римлянами *Сарматской*, на долгие столетия запомнилась всем приморским народам.

О размерах ее можем судить лишь по тому, что одни только языги после окончания войны с Римом вернули ему сто тысяч пленных.

Славяне вторгались в пределы Римской империи как суши, так и водой. Собираясь на своих юрких ладьях в устьях Днепра и Дона, они смело пускались в море и доходили не только до Византии, но порой достигали самих Афин и даже Рима.

Римский император Диоклетиан, известный также и свирепыми гонениями своими на христиан, решил поссорить

славян с германскими племенами, носившими общее имя *готов*. Такой способ действий именовался у римлян «разделяй и властвуй». В данном случае он вполне удался, и славяне с готами, воспылав ненавистью, стали ожесточенно истреблять друг друга, оставив на долгие годы в покое Римскую империю.

Завоеватель Германрих, объединивший под своей властью все германские племена, сильно потеснил славян, захватывая их земли и облагая все поселения славянские тяжелой данью. Первыми против готов поднялись воинственные обитатели низовьев Дона и Днепра – гунны. Гунны являлись племенным образованием, состоящим из тюркоязычных хунну, к которым примкнули угры и сарматы. Славянские племена, покоренные Германрихом, восставали против него, переходя на сторону гуннов. Победенный гуннами, Германрих в отчаянии кинулся на свой меч.

Следующий готский король – Винитар отчаянно воевал с гуннами, но был убит Валамиром, гуннским повелителем, славянином, как можно судить по имени. Женившись на племяннице Винитара, Валамир почти без сопротивления покорил все готские народы.

Владычество гуннское еще более усилилось под властью одного из следующих их повелителей – Аттилы. После смерти Аттилы при младшем сыне его часть славянских племен, значительно перемешанных уже великим переселением народов, села на Дунае и образовала болгарский народ, другая

же часть ушла за Днепр и Днестр – в Русскую землю и расселилась до самых Кавказских гор.

Незадолго до нашествия гуннов, в 395 году Великая Римская империя разделилась надвое. Произошло это при Феодосии Великом, одном из преемников Константина Равноапостольного, названного Равноапостольным оттого, что он был первым из императоров римских, принявшим святое крещение.

В завещании своем Феодосий передал Римскую империю двум своим сыновьям, разделив ее на восточную и западную. С тех пор западные императоры проживали в Риме, восточные же выбрали столицей своей Константинополь.

Уже тогда заронено было первое семя раздора, приведшее позднее к раздроблению церкви и отделению от Церкви истинной православной Церкви латинской, кардиналы которой, внося ряд изменений в чин богослужбный и признав необоснованно, что Дух Святой исходит не только от Отца, но и от Сына, стали выбирать себе отдельного главу – *papam римского*.

Распавшаяся же империя стала теперь более уязвимой и продолжала подвергаться нападениям наших предков славян. Ладьи славянские ходили к Константинополю почти ежегодно, разоряя его окрестности и быстро затем отплывая на Русь, хотя нередко бывало, что их настигали военные корабли и сжигали горшками с нефтью, которые именовались также греческим огнем.

В 558 году бесчисленная рать народов славянских перешла Дунай. Часть из них отправилась воевать Грецию, другая же подошла к Константинополю и осадила его. Воинство славянское было столь велико, что город легко мог быть взят. Наши предки уже насыпали под стены его земляные валы, чтобы по ним беспрепятственно подняться на укрепления.

С большим трудом грекам удалось убедить предводителя славян Завергана не брать город на щит. Получив огромный выкуп за возвращение пленных, славяне сняли осаду и отошли к Дунаю.

С той поры греки надолго возненавидели славян и стали принимать все меры к тому, чтобы рассорить их между собой. Отправляя богатые дары старейшинам славянских племен, греки искусно стравили отдельные племена и роды наших предков между собой. Славянский же обычай кровной мести, когда род мстил другому роду за всякого убитого, делал междоусобную войну между славянскими племенами бесконечной. Так, несмотря на свое бесспорное мужество, воинственность и презрение к смерти, славяне едва не были уничтожены этими качествами, направленными, увы, против своих же единокровных братьев. Пишет летописец: «никакой власти не терпят славяне и друг к другу питают ненависть». Лучшие мужи погибали в битвах со своими же собратьями, и этим успешно пользовались их враги.

Дождавшись, когда славяне обескровили друг друга, греки призвали из далекой Азии племя *аваров*, или *обров*, и уго-

ворили их идти на славян. «Славяне богаты. Многие сокровища возьмете вы у них!» – говорили обрам греки. Обры перешли Волгу и Дон и после кровопролитной борьбы покорили ослабленные распрей славянские племена.

Когда авары окончательно укрепились на побережье Черного моря, они стали брать дань не только с самих славян, но и получать богатые дары от греков, на которых ходили войной вместе с покоренными ими славянами.

Вскоре власть у *аваров* постепенно перешла к иудейской купеческой верхушке, которая склонила всю знать аварскую и самого их кагана в свою веру. С тех пор обры, перенявшие обычаи иудейские, стали именоваться хазарами, превратившимися почти на двести лет в злейших врагов наших предков славян. Столица хазарского каганата была в городе Итиль, в устье Волги.

Туда же вместе с данью доставляли хазары на продажу славянских отроков и девиц, которых нередко захватывали во время своих набегов, и расчетливые купцы иудейские, за все умевшие взять свою цену, продавали их рабами в Грецию, а также магометанам.

«ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...»

Несмотря на то что предки наши принуждены были платить дань хазарам, земля Русская становилась год от года все прекраснее. Возникали города, почти отсутствующие во времена скифские. К девятому веку на Руси было уже много городов, весьма искусных в укреплениях своих и постройках. Ладога на реке Неве, Изборск на Великом озере, Новгород на Ильмене, Смоленск на Верхнем Днепре, Полоцк на реке Полоте, Чернигов на Десне – притоке Днепра. На самом Днепре был Любеч, а затем возник и Киев.

О возникновении Киева существует два предания.

Первое, что построили его три брата – Кий, Щек и Хорив, жившие с сестрой своей Лыбедью на горах приднепровских. Другое же предание гласит, что существовал на том месте перевоз через Днепр, а перевозчиком долгие годы был некто Кий. Говорили славяне: «Пойдем к Киеву перевозу», оттого и пошло имя *Киев*.

Перечисленные города лишь немногие из существовавших тогда на Руси. Недаром викинги, ходившие на Русь для войны и торговли, с восхищением называли ее Гардарикой, или страной городов.

Не менее восторженно пишут о русичах и арабские летописцы:

«Русь имеет большое число городов и живет в довольстве на просторе. Любит опрятность в одежде; даже мужчины носят золотые запястья на руках. Об одежде своей заботятся, так как занимаются торговлей, и носят большие шаровары, собирая их в сборки у колен. Некоторые из руссов бреют бороду, а другие свивают ее наподобие лошадиной гривы и окрашивают ее в желтый или черный цвет. Гостям руссы оказывают почет и обращаются хорошо с чужестранцами, которые ищут у них покровительства...

Когда же у кого из руссов родится сын, то отец новорожденного кладет перед дитятею обнаженный меч и говорит: «Не оставлю в наследство никакого имущества. Будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом»... Руссы мужественны и храбры. Ростом они высоки, красивы и смелы в нападениях».

* * *

С течением времени восточные славянские племена, расселившись на низовьях южнорусских рек Днестра, Буга и Днепра, постепенно вышли к их верховьям, а также к верховьям и других рек – Немана, Шелони, Ловати, к озеру Ильмень и Ладожскому озеру.

Славяне, севшие по Днепру, назывались *полянами*. В лесах сидели древляне. Севернее, по реке Припяти, *дреговичи*; восточнее *дреговичей* по Соже-реке сидели *радимичи*. По реке

же Полоте жили *полочане*. В Волковском лесу, откуда брали начало все главные русские реки, селились *кривичи*. На восход солнца от кривичей сидели *вятичи*, севернее же кривичей, у Ильмень-озера – ильменские славяне, единственное племя славянское, так себя именуящее. Кроме того, на Западном Буге сидели *бужане* или *вольняне*, между Южным Бугом и Днестром – *тиверцы*, а в устье днестровском – *уличчи*.

Так разошлись разрозненные племена славянские, каждое из них имело свои нравы и свои обычаи, из которых наименее дикими были обычаи *полян*. Недаром на земле полян – на горах Днепровских, где встал Киев, некогда воздвиг крест Господень апостол Андрей, о чем будет еще сказано.

По мере того как племена славянские становились сильнее, хазары ослабевали, и все меньше и меньше было у них над славянами власти.

Когда однажды хазары обложили славян данью, славяне, вместо обычных беличьих и куньих шкурок, дали им от каждого дыма по мечу. Получив такую дань, хазары были весьма смущены, их же князь, рассмотрев мечи славянские, стал советоваться с мудрецами. Те же сказали ему:

«Не добрая дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, – саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи. Им суждено собирать дань и с нас, и с иных земель».

Так вскоре и случилось.

В 862 году славяне поднялись и разом изгнали от себя всех, кто брал с них прежде дань. Одолев варягов и хазар, племена славянские, как бывало это и прежде, не смогли спрятать мечей своих в ножны и обратили их друг против друга.

Пишет Нестор, первый наш летописец:

«В год 6370 от сотворения мира. Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом».

Тогда, видя, что вновь начинается вражда между родами их, славянские старейшины сказали: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву».

Поразмыслив, кто может быть таким князем, послали славяне за море к племени *русь*. Где именно сидело племя *русь* до призвания его славянами, сказать сложно. Одни говорят, что в Швеции, другие же – среди литовских племен, но чаще всего предполагают, что наши предки призвали родственное себе славянское племя, хорошо знакомое им и сходное по духу, обычаям и языку.

И пошли послы славянские за море к руси и, принеся им дары, сказали: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

Трое князей племени *русь* вместе со своими родами собрались и пришли на славянские земли. Были они братьями, и звали их Рюрик, Синеус и Трувор. Старший, Рюрик, сел в

Новгороде, Синеус – на Белоозере, а Трувор – в Изборске.
«И от тех варягов прозвалась Русская земля».

АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

Днепр устьем своим впадает в Понтийское море. Море это слыло у греков и самих славян Русским, ибо оттуда, из Днепровского устья, появлялись в великом множестве стремительные славянские ладьи, шедшие воевать Царьград.

По берегам Русского моря учил апостол Андрей Первозванный, не оставивший наши земли без евангельской проповеди в первые же годы после Воскресения Христова.

Во время третьего своего путешествия апостол после проповеди кавказским горцам проследовал по восточному берегу Русского моря, посетил города Керчь, Феодосию и Корсунь. Оттуда, движимый озарением Христовым, апостол Андрей отплыл вверх по Днепру. Увидев с ладьи ненаселенные тогда еще горы близ Киева, на которых обитали лишь звери и птицы, апостол Андрей велел причалить к берегу. Здесь, на горе, он воздвиг крест и долго стоял пред ним, молясь. По лицу апостольскому текли слезы умиления, словно ведал нечто, неведомое другим.

Окончив же молитву, Андрей сказал, обращаясь к бывшим с ним ученикам:

«Видите ли горы сии? На горах этих воссияет благодать Божия, и будет большой город, и много церквей будет воздвигнуто здесь по изволению Божьему».

Затем же, по преданию, Андрей Первозванный прошел от

устья Днепра до Новгорода и Ладоги по нынешним русским землям. И здесь, на Руси, тогда еще населенной лишь разрозненными и недружными племенами славянскими, предсказал Андрей, что некогда возникнет на этих бескрайних просторах величайшее христианское государство, которое выстоит даже и в те времена, когда вера повсеместно оскудеет.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ

В 971 году во время славного похода на болгар дружина русского князя Святослава оказалась окруженной под крепостью Доростол превосходящими силами греков. Против каждого русича было по несколько врагов, а новые неприятельские силы все продолжали прибывать.

Все выходы к Дунаю были отрезаны греческими огненосными кораблями, преграждая путь маленьким ладьям, на которых перемещались воины Святослава.

Не видя иного выхода, русичи затворились в Доростоле, приготовившись сражаться до конца.

– Деда и отцы наши завещали нам храбрые дела. Станем же крепко. Нет у нас в обычае спасать себя постыдным бегством. Или останемся живы и победим, или умрем со славою. Мертвые сраму не имут, а убежавши от битвы, как покажемся людям на глаза? – ободрял свою дружину князь Святослав.

Долгие дни сражались русичи с превосходящими греческими ратями и, хотя полегли во множестве, не запятнали себя бегством. Под конец, видя, что не в силах они совладать с русскими, греки стали предлагать им почетный мир.

Зная, что дружина его мала и истощена долгими боями, Святослав принял мир, согласившись покинуть Доростол и возвратиться назад на Русь.

Встреча русского князя и греческого императора должна была состояться в оговоренном месте на берегу Дуная.

Греческий император Цимисхий прибыл на встречу верхом, в позолоченной броне, сопровождаемый отрядом всадников в великолепных доспехах. Сидя в седле, разодетый греческий царь с удивлением наблюдал, как от берега, занятого русскими ратями, отделяется и направляется к нему небольшая ладья. Всматриваясь в одежды гребцов, он старался по роскошеству их определить Святослава, но не мог.

– Где же сам князь русский? Неужто не дерзнул он явиться? – пораженно обернулся Цимисхий к свите.

– Не знает Святослав страха. Там, на ладье, среди остальных увидишь его, – с поклоном отвечал один из греческих воевод, лично сталкивавшийся со Святославом в бою.

Присутствующий при встрече греческий летописец Лев Диакон торопливо, чтобы не забыть после, надиктовывал приставленным к нему писцам:

– Пишите быстрее, не мешкайте!.. *«В это время Святослав переезжал реку в простой скифской ладье и, сидя за веслом, работал наравне с прочими, без всякого различия. Видом он был таков: среднего роста – не слишком высок, не слишком мал; с густыми бровями, с голубыми глазами, с обыкновенным носом, с бритой бородой и с густыми длин-*

ными усами. Голова у него была совсем голая; только на одной ее стороне висела прядь волос, означающая знатность рода, шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и суровым. В одном ухе у него висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином посредине. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная. Поговорив с императором о мире, сидя в ладье на лавке, он переправился обратно».

Погрузившись со своими воинами в челны, Святослав поплыл домой, в Киев. Веря заключенному миру, он не подозревал, что хитрые греки тайно послали предупредить печенегов, давних врагов Руси.

«Вот идет Святослав домой с малой дружиной, взявши у нас, греков, многое богатство и налоги бесчисленные», – сказали они печенегам.

Жадные до добычи печенеги во главе с князем своим Курей, убедившись, что дружина Святослава невелика, напали на нее на днепровских порогах и перебили всю вместе с князем Святославом.

Так погиб этот величайший из князей-воинов Древней Руси.

Из черепа Святослава печенежский князь Куря повелел изготовить себе чашу, оковав ее серебром, и пил из нее, говоря: «Ни за что не победить бы нам русичей, кабы не были силы их истощены греками».

* * *

После Святослава осталось три малолетних сына. Ярополк сел на княжение в Киеве, Олег – в земле Древлянской и Владимир – в Новгороде.

Владимир, Ярополк и Олег были еще малы и не могли сами управлять русской землей, а потому все дела за них решали воеводы. Вскоре воеводы не ладили между собой. Началось кровавое междоусобие, и случилось так, что Ярополк убил Олега.

Ужасное известие это поразило юного князя Владимира, и, собрав рать, он выступил на брата. Вскоре Ярополк, преданный воеводой своим Блудом, был заколот двумя варягами, а князь Владимир стал единственным правителем земли Русской.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДЕРЕВЯННОГО ИСТУКАНА

С малых лет князь Владимир тянулся сердцем к Богу. Однако не ведал он тогда Бога истинного, как не ведала его и вся языческая Русь. А потому Владимир, вместе со всей могучей своей дружиной, был усердным язычником. Введенный в заблуждение волхвами, утверждавшими, что их грозные боги дают победы оружию русскому, он поставил множество истуканов, кумиров и капищ Дажьбогу, Стрибогу, Хорсу, Мокоши и многим другим языческим божествам.

Кроме того, на холме рядом с княжеским теремом своим установил он огромного бога Перуна, вытесанного из целого дуба, с вызолоченными усами. Многие жертвы, в том числе и человеческие, приносились Перуну после каждой большой победы.

А таких побед было множество. При храбром Владимире, как и при отце его Святославе, счастье как никогда сопутствовало доблестному русскому оружию.

В первые же годы своего княжения Владимир очень удачно разбил гордых поляков, отвоевав у них Переямышль, Червень и другие города, где сидела Червонная Русь, и присоединил их к владениям Русской земли.

Когда поднялись вятичи, князь Святославич усмирил и их и заставил платить себе дань.

Не успела Русь насладиться миром, как восстали радими-
чи. Владимир выслал против них воеводу по прозвищу Вол-
чий Хвост, который наголову разбил радимичей на реке Пи-
щане. Долгое время после того на Руси насмехались над жи-
телями тех мест, говоря, что они «волчьего хвоста» боятся.

В 983 году доблестная рать князя Владимира отправилась
походом на ятвягов. Князь ехал впереди большой своей дру-
жины. Ничего не жалел Владимир для воинов своих. Как-то
раз подпившие на пиру дружинники стали роптать на князя,
говоря: «Горе нам, едим мы деревянными ложками, а не се-
ребряными!»

Услышав о том, Владимир немедленно велел сковать дру-
жине своей серебряные ложки, молвя: «Серебром и золотом
не соберу дружины, а дружиной сыщу и серебро, и золото,
как и дед, и отец мои доискались дружиной и золота, и се-
ребра».

Ятвяги напали внезапно, едва передовой полк русичей во-
шел в дубраву. Конский храп. Дикие крики и сотни темных
фигур, отделившихся вдруг от кустарника и хлынувших из
глубокого оврага, пересекающего местность.

– Засада! – крикнул скакавший впереди всех Ратмир.

– К бою, братья! Берегите князя! – крикнул Добрыня и,
выхватив меч, бросился на помощь Владимиру.

Святославичу, отражавшему атаку сразу трех ятвяжских
воинов, приходилось туго. Лишь крепкий греческий пан-
цирь спас его от метательного копья. Не вмешайся Добрыня,

зарубивший одного из нападавших и схватившийся со вторым, сложил бы юный князь голову.

Добрую половину боя ятвяги теснили русичей, осыпая их стрелами и камнями из пращей. Один за другим, как подрубленные дубы, падали вокруг Владимира самые надежные его дружинники. Вот со стрелой в горле упал Ратмир, вот схватился за рассеченную камнем щеку Добрыня, а вот и конь самого Владимира, раненный копьем, захрипев, шарахнулся и осел на передние ноги.

«Неужто конец?» – подумал князь, но, не давая себе отчаяться, он перескочил на другого коня и продолжил бой, воодушевляя свою дружину.

Окруженные русичи рубились отчаянно, в одиночку бросаясь на целые отряды ятвягов. Однако те давили числом, и княжеская дружина неуклонно таяла. Вот упал Симон, вот великан Сфенкел, погнавшийся за ятвягом, вместе с конем рухнул в искусно вырытую яму.

Перед мысленным взором Святославича мелькнул на миг огромный деревянный Перун с серебряной головой и позлащенными усами.

– Помоги, Перуне, сохранить дружину! Принесу тебе богатые жертвы! – взмолился Владимир.

Но тщетна была его мольба. Не услышал князя золотосый языческий болван. Сотнями гибли русичи. Повисали на них ятвяги, стаскивали с коней, били дубинами, копьями. Все меньше оставалось дружины у Владимира.

Святославич сам не знал, отчего вспомнил он вдруг строгий лик на потрескавшейся доске, которому молилась бабка его Ольга, одна из первых на Руси христианок.

– Помоги тогда ты, Бог моей бабки, раз Перун не может! Яви чудо! – крикнул горячо Владимир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.